

Дулат ИСАБЕКОВ
*писатель-драматург, лауреат
Государственной премии*

ГРУЗ ВТОРОГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ БЫВАЕТ ТЯЖЕЛЕЕ

Касымхана я впервые увидел в Доме творчества композиторов «Тау Тургень», расположенном в горах среди прекрасной природы. Тогда я работал главным редактором репертуарной коллегии при Министерстве культуры. Дом творчества предназначался для композиторов, коттеджи были построены в значительном отдалении друг от друга, чтобы в них не были слышны звуки музыкальных инструментов и голоса солистов из рядом

стоящих коттеджей, были соблюдены все принципы строительства строений такого рода. Внутри было всё: пианино, магнитофон, чайные сервизы на шесть персон. На верхнем этаже были расположены спальня и ванна. Четырехразовое питание. Случалось так, что те, кто приезжал сюда работать, посещали столовую всего раз, но были и такие, которые не пропускали все четыре раза. Это были просто отдыхающие, которые сбежали сюда от городской суеты и шума.

Еще не утихли страсти 1986 года, в народе еще бурно обсуждались причины и последствия тех событий, и, как следствие, везде проходила пропагандистская работа.

Был сентябрь 1987 года. Была пора, когда уже остались позади беззаботные дни знойного лета, увядающие листья диких яблонь стали тоскливо желтеть, а покрытый тусклой позолотой окружающий мир начал впадать в задумчивую дрему. Как говорил Абай: «Любовь борется с вечным увяданием».

Бедные люди теряли головы, не зная, в какую сторону направить свои несчастные два уха: к несправедливости, которая орала вовсю, или к справедливости, которую еле было слышно, но было ясно, что правда и кривда схватились в открытой яростной схватке. Под влиянием тех событий я как раз работал над драмой «Люди на острове».

Событиям 1986 года через три месяца должно было исполниться ровно один год. В связи с этим было опасение, что молодежь опять выйдет на площадь. Чтобы предотвратить нежелательные события, Центральный Комитет принял решение пустить в народ большую группу лекторов для «промывания мозгов», чтобы они провели разъяснительную работу в нужном русле по следам прошлых событий.

Одна из таких групп явилась и в наш Дом творчества для проведения необходимой беседы. Нас всех собрали в концертном зале. Я с любопытством разглядывал тех, кто пришел нам «промывать мозги», благо все они сидели в президиуме. К моему удивлению, они оказались молодыми людьми. Среди всех я выделил двоих: молодого поэта Касымхана Бегманова – я был знаком с его поэзией, но самого поэта видел впервые, и Талгата Теменова – я был слышан, какие он пишет рассказы.

Я подумал: «Да они сами готовы хоть сейчас выйти на улицу, как же они собираются нам “мозги промывать”», и я с интересом и вниманием начал слушать, в каком же таком направлении они начнут говорить.

Если взять Талгата, то он рассказал о своем детстве, с какими трудностями ему пришлось столкнуться, говорил о том, что не могут выйти настоящие писатели из городских беспечных детей, которые вырастают под крылом отцовской заботы и защищены отцовскими деньгами, что из их среды не выходят люди с развитым гражданским долгом, думающие о судьбах своего народа и своего языка, что они далеки от чаяний своей нации. Вместо пропаганды советского патриотизма он, наоборот, заострил внимание на необходимости повышения национального самосознания. «Промытые» им мозги, думаю, «промылись» совсем в другом направлении.

Касымхан Бегманов выступил следующим. Выяснилось, что в комитете комсомола Южно-Казахстанской области у него была ответственная должность. Оказался он моим земляком, да ещё и нынешним продолжателем дела Саттара Ерубаяева. Все эти факты вызвали во мне особую теплоту. Он вкратце остановился на том, что необходимо нашу молодежь воспитывать в духе исконной казахской культуры и литературы, не забывая при этом, что они должны знать достижения мировой культуры и науки. Затем сразу же перешел к чтению собственных стихов. Стихи были посвящены как возрождению древней истории, так и воспеванию честности, дружбы, любви. «Будучи Ногайлы, стенал, Отыраром опустел, Актабаном тянулся, в степи мои мужи остались. Нарыном скулил, Аралом пропал, декабрём буранил, в лассо судьбы попадал, суровые уроки судьбы в душе тоской запеклись, из оторванной моей степи молча плачут могилы. По тем казахам, что сердца врагов рассекали, величаво на коней садились, я по тем казахам печалюсь, я по тем казахам слезы лью...» Короче, нет тех, кто думал бы про нужды народа, что придет тот день, когда кто-то вспомнит обо мне за то, что в стихах были такие мысли, со строками, наполненными горем. Слова его стихов проникали в душу, пробирали до дрожи. Люди в зале всколыхнулись. Стихи заставили глубоко почувствовать всю горечь, всю тоску и отчаянье, выраженное в них. Те, кто были чувствительней, всё чаще подносили к глазам свои носовые платочки.

Сознание собравшихся людей ещё сильнее замутилось. Они так и не прояснили для себя – осуждать или одобрять декабрьские события. Если молодёжь снова выйдет на площадь, их нужно остановить или же, наоборот, влиться в их ряды? Никто не смог получить конкретные ответы на эти вопросы. Гражданская совесть не позволила им произносить лжепатриотические лозунги. По сути, встречу они закончили своими творческими отчетами.

После окончания мы втроём собрались в моем коттедже. Здесь мы уже говорили откровенно без всяких намёков и иносказаний, свободно, без оглядки. Молодые люди всеми мыслями и чувствами были с молодёжью на площади, они говорили о будущем своего народа, делились самым сокровенным.

Так состоялась моя первая встреча с поэтом Касымханом. После этого мы с ним стали чаще встречаться. Я старался не пропустить его публикаций в журналах и газетах, читать его вышедшие книги. Иногда случалось, что мне не попадались газеты или журналы, где были напечатаны его стихи. И как назло, когда у меня на руках не было того или иного номера с его публикациями, Касымхан обязательно звонил мне. Спрашивает: «Ага, вы читали мои стихи?» Я про себя, думая: «Ведь это не проза, чтобы делать детальный анализ», отвечаю: «Да, читал», и тут же начинаю говорить о другом. Но Касымхан всегда настороже, не даёт мне далеко уйти, не успею я и одного круга пройти, как он опять: «Ага, прошу вас, внимательней прочтите. Вы, кажется, меня не цените», – смущал он меня.

Во время встречи в «Тау Тургене» я спросил у него: «У вас выходили стихи отдельной книгой?», и он ответил, что вышла одна, десятикопеечная, в серии молодых поэтов «Бастау». Я очень уважаю людей с юмором. Юмор, я считаю, это показатель уровня культуры не только отдельно взятого человека, но и всей нации. Я высоко ценю его оценки самого себя, своих сверстников, разных жизненных ситуаций, подперченных лавиной долей юмора. Я много раз наблюдал проявление этого его качества.

Директор заповедника «Аксу-Жабагылы» Аманбек Атаев – милый человек, ценитель искусства и сам им занимающийся, выбрав самое живописное место заповедника, поставил юрту и принимал меня с семьей в качестве высокого гостя около десяти дней. К нам и Касымхан присоединился на своей машине.

Мы ехали из Алматы, и, проехав долгий путь до Чимкента, оказывается, уже не обращали внимания на красоты скал и вечно снежные вершины гор, встречающиеся по пути. Когда мы выехали на самую вершину крутой горы, думая, что за этой горой кажется кончается земля, пред глазами вдруг предстала райская картина альпийских лугов. Мы в очередной раз восхитились божьим промыслом, готовы были потерять сознание от увиденной божественной красоты и, затаив дыхание, замерли на месте. У нас закружилась голова от благоухающего нектаром воздуха.

По полям ходили английские натуралисты с камерами. У родника, поодаль от поляны, несколько полураздетых мужчин шустро бежали взад-вперед, сверкая бледными икрами ног.

– Эти-то что здесь делают? – спросил я у Аманбека.

– Ой, ага, нам иностранцы интересны. Им мы интересны. Шестеро англичан купили сюда путёвку. Для конных прогулок. Через них нам перепадает небольшие деньги, – ответил Аманбек.

– А чего они бегают?

– Да, – засмеялся Касымхан, – такое впечатление, что у них понос. Уж слишком быстро бегают гости.

А Аманбек вполне серьезно ответил:

– В заповеднике нельзя разжигать огонь, нельзя дымить. Еду мы готовим в ауле и привозим сюда. Мы сюда доставляем кумыс, шубат, арбузы, дыни, даже печёную тыкву и просяной кислый напиток. Они сначала нажились на нашу, мол, экзотическую пищу – вот теперь и страдают животом. Только и знают, что бегать в туалет. – Затем он прошептал мне на ухо: – Сюда очень трудно подниматься на машине. Я должен был привезти им ужин, но они отказались от еды на сегодня и завтра.

– Получается, они облегчили тебе жизнь.

– Да, – улыбнулся он. – Если до послезавтра кончатся их страдания, то работники привезут им горячую пищу.

Как такая природа может не вдохновить поэта Касымхана! Он тут же вдохновенно прочитал несколько своих стихов. А как может отстать от него Аманбек? Он взял свою домбру и тоже запел народные песни.

Бедные страдальцы англичане на какой-то момент даже забыли про необходимость бежать. Раскрыв рты, смотрели на нас.

Десять дней в Аксу-Жабагылы, один день в Пистели – месте, где родился Мархабат Байгутов, оставили неизгладимое впечатление, будто мы побывали в раю.

За эти десять дней я хорошо узнал поэта Касымхана и гражданина Касымхана. Открыл в нём такую особенность его характера: он был готов как раб служить человеку, которого он полюбит, и обходить далеко стороной того, кто ему не нравится.

В тот раз мы побывали и в Туркестане. Погостили несколько дней в ауле Касымхана Бабайкургане, который оказался недалеко от города.

Я познакомился с его родителями, ел из рук Айжамал апа, стали общаться как близкие родственники. Я был свидетелем того, что в этом уважаемом доме гостили первые секретари Союза писателей таких государств, как Якутия, Туркмения, Таджикистан, Каракалпакия, Узбекистан, писатели и поэты Сакен Жунусов, Оралхан Бокей, Илья Жаканов, Калихан Ыскаков, Отежан Нургалиев, Калдарбек Найманбаев, Куляш Ахметова, Толен Абдииков, Жанибек Карменов и многие заслуженные деятели искусства. Я помню, что за прекрасным застольем в доме отца Касымхана Толен играл кюи, а Сакен Жунусов и наш младший брат Кулбек были тамадами. Мать Касымхана знала много старинных историй, могла импровизировать собственными стихами, умела исполнить песни в исконно народной манере, была известна в своей округе как прекрасная певица, знаток и любитель поэзии.

Та поездка открыла мне ещё одну сторону характера Касымхана: он умел быть чутким и заботливым к человеку, которого полюбил, и будто он знал его с самого рождения, быстро вникал в его положение, становился для него самым близким, необходимым человеком.

Сейчас Касымхан известный поэт. Вышло множество его поэтических книг, многие из них получили престижные премии. Думаю, что не стоит об этом говорить в подробностях. Илья Жаканов написал несколько песен на слова Касымхана. То, что именитый композитор, взыскательный художник обратил особое внимание на творчество Касымхана Бегманова, говорит о многом.

Касымхан достиг своего пятидесятилетия, которое нами давно уже пройдено. На бурные перемены пришлась та пора, когда писатель бывает особенно плодотворен и много пишет.

Когда он на свои деньги выкупил землю и построил большой памятник писателю Саттару Ерубаету, могила которого осталась под старым автовокзалом, он не стал из этого делать громкий пиар своего имени. Он не стал ставить себе в особую заслугу то, что он через Илью Жаканова попросил содействия видного учёного Турсынбека Какишева в переиздании двадцатитысячным тиражом полного собрания сочинений Саттара Ерубаета. Он никому не обмолвился, когда устроил тризну по усопшим около двумстам поэтам и писателям, а их вдовам оказал материальную помощь. Ладно, допустим, что это его деяния в прошлом, но и в последние годы поэт Касымхан Бегманов тихо, молча претворяет в жизнь многие крупные проекты, которые имеют национальное значение.

В этом году во главе целой группы известных деятелей посетил родину Мустафы Шокая Кызылорду. Начинали с Шиелы, Сулутобе, Наршоки, Байгекум, были в мужской гимназии в Ташкенте, где когда-то учился М. Шокай, побывали в старом Доме правительства Коканда. Поработать в их архивах и библиотеках, затем проследить места пребывания в кавказском направлении – в городах Тбилиси, Баку, Батуми нашего драгоценного предка, найти его следы в Санкт-Петербурге, Стамбуле, Париже и посетить его могилу в Берлине отправился опять же поэт Касымхан Бегманов. Его целью является поклонение памяти выдающегося сына народа Мустафы Шокая, организация серии передач по местным каналам телевидения, публикация целого цикла исследовательских материалов в журналах и газетах. И в итоге выпустить книгу о жизни и деятельности Мустафы Шокая. Какое благородное дело! Разве не это проявление высокой гражданственности?

Его друзья – Есенгали Раушанов, Аманхан Алимов, младшие братья Маралтай, Амирхан, Бакытжан, Жанарбек, Алибек и другие поэты и писатели

сегодня составили целое созвездие ярких звезд казахской литературы. Среди этих созвездий сияет и звезда поэта Касымхана Бегманова. Это большой поэт, который умеет заставить слушать себя свой народ, который на века занял своё достойное место в сердцах любителей поэзии, который радуется друзьям, а в недругах умеет разбудить совесть, когда они остаются наедине с собой.

Я то и дело перечитываю его книги «От колыбели до могилы», «Карашык – Тоска», «Та весна не вернётся», изданные в разные годы. В стихах «Всего лишь тряпки» есть такие строки: «Тряпки повсюду, даже первая сумка моя была сшита из тряпок. Почему и зачем я ушел так далеко от смутного дня сегодняшнего. И распашонка моя была сшита тоже из тряпки. Что ж, если жизни смысл – всего лишь тряпки – закутаюсь в них, став той слезинкой, что сорвется с ресниц твоих». Или же давайте прочтем отрывок из его глубоких, полных горечи и философского смысла стихов «Уличные поэты».

*Поэты улицы, как баловни, так и своего народа слуги,
Я остался на этой земле, как память о них, как один из них.
Пришла весна, вернулись птицы, снова расцвел урюк,
От вас отделяют нас всего лишь «на» и «под» земли.*

*О, те, вскормленные святым молоком материнским,
Чья жизнь, как моя, в стихах прошла.
Так и не сумев сказать обжигающие глотку слова, возвращаясь,
Мои благородные, свою степь любившие, мои несчастные, что поделаешь?
Вместе с вами и мои мечты ушли, что поделаешь,
Не спрашивайте причин, не плачьте, мои дорогие, почему не признанными ушли.
Наедине с собой оставшись, дорогие, не плачьте и не рыдайте, что поделаешь.*

*О, мои образованнейшие, мои умнейшие, что поделаешь,
Вы себя от чаяний и устремлений своего народа не освобождали.
О, мои бунтари, все их краснознаменные праздники вы не признавали,
О, люди, я вас умоляю, я вас умоляю,
Не забывают поэтов улицы.
Ведь именно они, как гуси, кружат над родной землей,
Над Алашами кружились!..*

Я думаю, такого порядка прекрасные стихи, которые затягивают читателя в свой стремительный водоворот, не нуждаются в анализе.

Второе пятидесятилетие – очень ответственная пора. Эта пора, когда мало понять душу и чаянья своего народа, необходимо взглянуться и в собственную душу и сделать нелицеприятную её ревизию. Нужно найти силы всё пропустить через раненое сердце, и без того больное, истекающее кровью, данное от рождения поэту, и писать только те свои мысли, которые невозможно не сказать, которые ни за что не поддадутся запрету.

Касымхан, с великим трудом через свой поэтический дар в пятьдесят лет ты сумел подняться на самую вершину и воссесть на трон поэзии, ещё труднее усидеть на этом троне, мой брат. У плохих поэтов книги издаются, а у хороших поэтов их книги приходят в этот мир. Ты сегодня в числе тех хороших поэтов, книги которых приходят в этот мир.

Пусть не иссякают твои поэтические строки, которые должны прийти в этот мир, мой поэт, мой гражданин, брат Касымхан!

«Туркестан», № 11, 20 марта, 2008 г.